

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ФИНИСТ ЯСНЫЙ СОКОЛ

Вошебная сказка в одном действии

Вечер. Кошка лежит на печи, мурлыкает, тихо в деревенском доме.

Хозяин дома у окна при свете свечки иголкой тычет, чинит лошадиную упряжь.

Марьюшка по дому убирается, на стол еду готовит.

А Людмила, её сестра, у зеркала прихорашивается, банты в косы влетает, губы красит свеклой.

ЛЮДМИЛКА. Марья, а, Марья? Глянь, ну, глянь-поглянь! Я красивая?

МАРЬЮШКА. Красивая, сестрица, красивая ты, Людмилочка. Пойду на двор, лошадям сена дам, а то уж вечереет, не успею всё сделать до захода солнца. Марьюшка выскочила за дверь с ведром в руках.

ЛЮДМИЛКА. Красивая я, ой, красивая!

ОТЕЦ. Только всё-то тебе, Людмила, мало кажется твоей красоты.

ЛЮДМИЛКА. Да, мало, батюшка мой дорогой! Целый день охорашиваюсь, а толку нету. И румяна, и белила на лицо ложу, ложу, ложу, а всё та же. Вот что тут сделаешь, а?!

ОТЕЦ. Уж день прошел, ты столько румян извела, а вот лучше не стала. Сидишь, на зеркало зришься, надулась как мышь на крупу.

ЛЮДМИЛКА. Засердишься тут. Надуешься тут. Осерчаешь тут на вас на всех. Мне замуж надо. Машка-то ваша утром не такая была, а к вечеру похорошела, - с чего вот только, не знаю.

ОТЕЦ. Как жена моя померла, Марьюшка всё хозяйство на себя взяла. И всё-то она умеет, всё у нее ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши, тоже ладит с делом. Захотел было я взять во двор какую ни есть старушку бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. Да Марьюшка сказала: «Не надобно бобылку брать, я сама буду по дому заботиться».

ЛЮДМИЛКА. А что ж вы хотели, батюшка, чтобы я руки белые в помоях мыла, коров доила, лицо своё ясное солнцу на сенокосе подставляла, тело нежное на работе во дворе напрягала? Кто ж меня тогда возьмет замуж, если я изработаюсь вся на вашем хозяйстве?

Пришла Марьюшка, вынула горшки из печи, поставила на стол.

МАРЬЮШКА. Батюшка, садитесь к столу, ужин готов. Сестрица, отведай пирогов, вкусных напекла.

Сели они все троим за стол, принялись вечерять.

ОТЕЦ. Утром на ярмарку поеду, что купить вам, доченьки мои ненаглядные, чем вас порадовать?

ЛЮДМИЛКА. Ой! Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное было. Слышишь?

ОТЕЦ. Ну, куплю.

ЛЮДМИЛКА. А еще купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблучках, чтобы они о землю топали. Только пусть кузнецы подкуют каблочки на тех сапожках серебряными подковками.

ОТЕЦ. Ну, сделаю.

ЛЮДМИЛКА. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне еще серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду. Слышишь?

ОТЕЦ. Дело несложное. Куплю.

ЛЮДМИЛКА. А еще купи мне перстень с камешком на палец - ведь у тебя одна старшая дочь.

ОТЕЦ. Еще чего-то хочешь, доченька?

ЛЮДМИЛКА. Хочу! Купи мне, батюшка, еще чего-нибудь. Ладно?

ОТЕЦ. Ладно.

ЛЮДМИЛКА. И вот еще что, батюшка, купи еще чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что-нибудь. А к что-нибудь еще полстолька чего-нибудь. А к полстолька чего-нибудь купи мне вот столько еще что-нибудь...

ОТЕЦ. Договорились.

ЛЮДМИЛКА. Не забудешь всё-то, батюшка?

ОТЕЦ. Не забуду. А ты чего молчишь, Марьюшка?

МАРЬЮШКА. А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

ОТЕЦ. Как же я тебя без подарка оставлю, Марьюшка? Я и тебе гостинец куплю. Проси, что хочешь.

МАРЬЮШКА. И гостинца не нужно, батюшка. А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста Ясна Сокола, коли оно дешевое будет.

ОТЕЦ. Перышко Финиста Ясна Сокола? Никогда про такое не слышал от купцов на ярмарке. Ну да поищу, авось найдется и для тебя подарок, Марьюшка. Ну, пойду спать, утром рано в город, на ярмарку.

МАРЬЮШКА. А я за прялку сяду, надо пряжи напрядь до утра, а потом носки стану тебе вязать, батюшка.

ЛЮДМИЛКА. А я буду румяниться, буду в зеркало на себя смотреть. Свечку зажгу, в зеркало на себя посмотрю, вдруг да появится мой суженый за спиной! Ой, какая я красавица стала!

Села Людмила, пялится на себя в зеркало, свечи жжет, ничего не видит в зеркале, пялилась, пялилась, да так и заснула за столом, голову на руки уронила.

А Марьюшка прядет и песенку поет.

Растет во поле муравушка,

Растет синею травой,

За водицей сходит Марьюшка,

За холодной ключевой.

Окунает ноги босые

В ключ-холодную реку

И пройдет по полю с росами,

Позабудет грусть-тоску.

А под вечер затуманится,

У крыльца – конь вороной.

Милый-суженый появится,

Королевич молодой ...

Утром отправился отец на ярмарку, всё исходил, купил подарки старшей дочери, а для младшей не может найти подарка, того самого перышка Финиста Ясного Сокола.

Опечалился, плетется на лошаденке домой, назад.

Вдруг навстречу ему из леса вышел Старик - борода до земли.

ОТЕЦ. Здравствуй, дедушка!

СТАРИК. Здравствуй, хозяин. Ох, сколько у тебя в телеге подарков! Кому везешь?

ОТЕЦ. С ярмарки еду. Это всё дочке старшей радость. А младшенькой не нашел подарка.

СТАРИК. Знаешь, как люди говорят: отца-мать кормлю - долг плачу, сыновей в люди вывожу - займы даю, дочь снабжаю - за окно бросаю.

ОТЕЦ. Так-то оно так. Да куда деться.

СТАРИК. Кто детям потакает, тот сам потом в старости плачет.

ОТЕЦ. Правда твоя. Да что ж сделаешь. Дочери-то обе любимые.

СТАРИК. Что ж ты такой невеселый домой с веселой ярмарки возвращаешься? О чём у тебя кручина?

ОТЕЦ. А как ей не быть, дедушка! Не смог вот купить подарок Марьюшке. Наказывала она мне найти ей перышко Финиста Ясна Сокола. Искал я то перышко, а его нету. А дочь-то у меня меньшая, пуще всех мне ее жалко. Всё обходил, всё купил, а перышка такого нету. Нету, говорят купцы, такого товара. Спросу, говорят, на него нету.

Старик задумался, а потом и говорит:

СТАРИК. Ну да, так и быть!

Развязал он заплочный мешок и вынул из него огромную волшебную книгу. Полистал он ее странички, и выпало со страниц одно маленькое серое пёрышко.

Держи, вот тебе волшебная книга, а в ней - перышко, спрячь его покрепче. Перышко это от Финиста Ясна Сокола. Да запомни: есть у меня один сын. Тебе дочь жалко, а мне сына. Не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет - неволить нельзя. И сказал он мне: кто попросит у тебя это перышко, ты тому отдай, это невеста моя просит.

Сказал эти слова старый старик - и вдруг нету его, исчез неизвестно куда.

Был он или не был? Взял Отец книгу, прижал к себе покрепче.

ОТЕЦ. Вот так чудеса. Перышко-то серое, простое. А вот купить его нельзя было нигде. Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит - не зная, не выдавши, выйти замуж неведомо за кого. Ну, да ладно. Так и быть. Вот уж Марьюшка-то обрадуется! Поспешайте, кони, вон уж избы моей деревни виднеются!

Подъехал он к дому, лошадей распряг, вошел в дом, тут началась такая кутерьма!

Людмила с подарками бегают, трясется над ними.

ЛЮДМИЛКА. Ой, полушалок! А цветы какие большие! И как просила: посреди цветов чтоб красное было, так оно и есть! Ой! Сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблучках! Как они об землю топают! И подковы серебряные! С колокольчиками! И молоточек! Ой, перстень с камешком на палец! А еще чего-нибудь купил, батюшка?

ОТЕЦ. Купил.

ЛЮДМИЛКА. А к чему-нибудь добавил еще что-нибудь?

ОТЕЦ. Добавил.

ЛЮДМИЛКА. А к что-нибудь, батюшка, еще полстолька чего-нибудь купил? Да?! А к полстолька чего-нибудь купил мне вот столько еще что-нибудь! Ой, радость! Ну, угодил, так угодил! А этой дурочке привез чего, нет?

МАРЬЮШКА. Не надо мне ничего, сестрица, не надо, батюшка.

ОТЕЦ. А это тебе, дочка, подарок. Книга. А в ней, полистай вот, и найдешь - перышко Финиста Ясна Сокола, как ты и просила.

МАРЬЮШКА. Правда? Спасибо, батюшка!

ЛЮДМИЛКА. Книга? Ой, это ж надо же, а? Вот у меня подарки, так подарки, а у тебя что?

МАРЬЮШКА. А мне только это перышко и надо было.

ЛЮДМИЛКА. Ну, ты воткни тогда свое воробьиное перо в волоса, да и красуйся. И книгу свою листай! Ой, это ж надо так опуститься, а? Зачем она тебе нужна? Смотришь в книгу, видишь фигу. Глупости! Ну и сапожки, ну и перстень, ну и что-то к чему-то еще он мне купил, ой, ой, ой!

Людмила схватила ворох добра, привезенного, и убежала в другую комнату, чтобы у зеркала наряжаться да рассматривать себя, красавицу писаную.

МАРЬЮШКА. Какая красивая книга... А вот и перышко мое...

Марьюшка полистала волшебные страницы волшебной книги, взяла перышко в руки, подержала его при себе, погладила и - нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто-то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист Ясный Сокол.

Приложился он к полу и обратился в прекрасного молодца.

ФИНИСТ. Здравствуй, девица красная, здравствуй, Марьюшка.

МАРЬЮШКА. Кто ты?

ФИНИСТ. Ты сама просила батюшку купить тебе перышко Финиста Ясна Сокола. Вот я и сам явился. Явился за тобой, за невестой моей.

МАРЬЮШКА. Не ждала, не ведала я о тебе... Финист Ясный Сокол, откуда ты? Не могу я за тебя выйти замуж, сначала сестрица моя старшая должна себе суженого найти...

ФИНИСТ. Марьюшка, я так долго искал тебя и вот – нашел...

МАРЬЮШКА. Ой, идет кто-то, спрячься, Финист Ясный Сокол, а то стыдно мне – у девушки в такой поздний час молодец в горнице!

Тут упал Финист на пол, обратился снова в сокола и вылетел в окно.

В комнату вбежала Людмила, стала высматривать кругом.

ЛЮДМИЛКА. С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

МАРЬЮШКА. А я сама себе слова говорю. Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить мне некогда, а вечером я беседую сама с собой, вот и всё, сестрица.

ЛЮДМИЛКА. Вот и всё, сестрица! Что врешь? Ой, не поверю я тебе. Батюшка, а ну, идите-ка, идите-ка сюда!

Вошел в комнату отец.

Слушайте, батюшка, а у Марьи-то у нашей - суженый есть, она по ночам с ним видится и разговор с ним разговаривает. Я сама вот только что слыхала! Какой стыд, позор, бессовестная!

ОТЕЦ. А ты бы не слушала. Чего же у нашей Марьюшки не быть суженому? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла. Придет и тебе черед.

ЛЮДМИЛКА. Так Марья-то ваша любимая не по череду суженого своего узнала! Мне бы стало раньше ее замуж выходить!

ОТЕЦ. Оно правда твоя. Так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила. Не знаю. Иль уж слово того старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нету, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?

ЛЮДМИЛКА. Что вы там бормочете? Про кого вы говорите, что до старости в девках будет сидеть? Про меня?! От спасибо!

ОТЕЦ. Спать пора. Спать ложимся.

Марьюшка вышла из комнаты, а Людмила по комнате побегала, все углы повинохивала и говорит:

ЛЮДМИЛКА. Ну, нет. Не бывать тому, наглючка ты такая. Вот выну-ка ножи из черенков, а ножи воткну в раму окна и вокруг него, а кроме ножей воткну еще туда острые

иголки да осколки старого стекла. Вот пусть её суженый-ряженный попробует сюда пробраться!

Захихикала Людмила, что сделала злое дело и бежать.

Тихо в избе.

Вдруг слышно, летит Финист Ясный Сокол, летит, бьется в раму, всю грудь изранил, пробиться в окно не может и говорит:

ФИНИСТ. Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь!

И исчез.

Вбежала в комнату Марьюшка, посмотрела в окно, а на окне кровь Финиста Ясна Сокола. Заплакала тогда Марьюшка.

Отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста.

Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала еще краше.

Услышал ее горькие слезы Отец, прибежал в комнату.

ОТЕЦ. Что с тобой, Марьюшка?

МАРЬЮШКА. Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю, искать своего суженого. Жива буду - свидимся, а помру - на роду, знать, мне было так написано.

ОТЕЦ. Да как же это так? Жалко мне отпускать неведомо куда мою любимую младшую дочь. А неволить тебя, чтоб дома ты жила, нельзя. Знаю: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Прощай, доченька, ступай с миром.

Вот идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три, идет она долгое время.

Шла она и чистым полем, и темным лесом, шла и высокими горами.

Вот вздохнула Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать.

МАРЬЮШКА. Сколько я уже прошла... Не день и не два иду я, иду я долгое время. И чистым полем я шла, и темным лесом, и высокими горами. В полях мне птицы песни пели, темные леса меня привечали, а с высоких гор всем миром я любовалась. Так долго шла я, что не одну пару башмаков железных исходила, даже чугунный посох о дорогу стерся, каменный хлеб я изглодала, а путь всё не кончается, и нету нигде моего любимого Финиста Ясного Сокола... Но надо идти дальше. Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает.

Вышла Марьюшка на полянку и вдруг увидела огонек - на полянке стоит избушка на курьих ножках.

Будто свет там в лесу? Избушка на курьих ножках? Вокруг избушки тын, а на кольях лошадиные черепа, каждый череп огнем горит. Как страшно. Ночь наступила. Ночевать в лесу под сосной еще страшнее, того и гляди, волки набегут, съедят и косточек не оставят. Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка, открылись двери, вышла на крыльцо Баба-Яга.

БАБА-ЯГА. Кто это там меня беспокоит? Я – Баба-Яга, костяная нога! Сидит Баба-Яга - костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама черная, а во рту один клык торчит. Сидит, никого в гости не ждет. А тут стучится кто-то. Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Что тебе, красная девушка? Ты дело пытаешь аль от дела пытаешь?

МАРЬЮШКА. Пусти, бабушка, переночевать!

БАБА-ЯГА. Входи, гостьей будешь. Неужели же ты меня, Бабу-Ягу, не боишься?

МАРЬЮШКА. А чего ж мне бояться тебя, бабушка?

БАБА-ЯГА. Старая я и страшная, все меня боятся.

МАРЬЮШКА. Бог всех на свете создал разных, что ж бояться-то некрасивого? Бояться надо злого, да жадного, да неблагодарного. Надо честных почитать, а гордых – презирать.

БАБА-ЯГА. Что ж ты бродишь по ночам в чаще лесной?

МАРЬЮШКА. Ищу я, бабушка, Финиста Ясна Сокола.

БАБА-ЯГА. Вот как?

МАРЬЮШКА. Если бы ты помогла мне, бабушка, найти моего суженого...

БАБА-ЯГА. Если бы да кабы, да во рту росли грибы, тогда был бы не рот, а целый огород.

МАРЬЮШКА. А я тебе, бабушка, дом приберу, вымою, вычищу, коли совет дашь.

БАБА-ЯГА. Дом приберешь? Тут триста лет никто не убирал. Ну, убери. Спасибо скажу. Дак далеко ли странствуешь ты, девица?

МАРЬЮШКА. Далеко ли, близко, сама не знаю. Не слыхала ли ты про Финиста Ясного Сокола, бабушка?

БАБА-ЯГА. Как не слыхать! Я старая, давно на свете живу, про всё слыхала! Давно я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Так и быть, вот тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист Ясный Сокол. Но хоть и отыщешь ты его, трудно тебе будет: ведь Финист теперь со своей хозяйкой живет, обпоила она его сонным зельем и обманом на себе женила. А зовут ту хозяйку Тень-Царица. Трудно тебе будет, да сердце, гляжу, у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет. Далеко тебе идти, голубушка. Потому что сначала надо найти серебряное донце - золотое веретенце. Станешь кудель прясти, золотая нитка потянется, а там и Финист твой Ясный Сокол появится.

МАРЬЮШКА. Спасибо тебе, бабушка.

БАБА-ЯГА. Ладно, спасибо после скажешь. А теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать - не продавай, а просись Финиста Ясна Сокола повидать.

МАРЬЮШКА. А куда же мне идти теперь, бабушка, в какую сторону? Где найти его, серебряное донце - золотое веретенце?

БАБА-ЯГА. А я тебе дам клубочек-самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку - и клубочек остановится, тебя дожидаться станет.

МАРЬЮШКА. Спасибо, бабушка, век не забуду доброты твоей.

БАБА-ЯГА. Ну, иди уже скорее. Оханьем поля не переедешь, плачем горю не поможешь. Иди, а то я расплачусь тоже страшно, а мне нельзя, я ведь нечистая сила, иди, иди от меня...

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком.

Лес зашумел, загудел, поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли - да все на Марьюшку.

Катится клубочек, страшно идти Марьюшке по лесу.

Долго ли, коротко ли, закатился клубочек в непроходимую чащу. Закатился под дерево и остановился, никуда не катится.

МАРЬЮШКА. Куда ж ты завел меня, клубочек? Чаща непроходимая... Один лес на земле растет, а чистого поля нету. Совсем темно стало: солнца и неба не видно. Лес глухой, ночь наступает, волки воют, страшно мне, а деревья такие высокие, черные - будто люди заколдованные, огромные... Тут, поди, всякая нечисть живет: и водяной, и кикимора...

На маленькой полянке в самой чаще леса стояло два дерева - тоненькая осинка и тяжелый дуб. Стояли, гнулись под ветром, стонали, охали, как живые.

Ветки-то у дуба этого ходуном ходят... Ой! Чудится мне, что ли? Из дуба торчит борода и горят два зеленых глаза! И кряхтит дуб, будто человек...

ДУБ. Помоги мне, доченька, никак не могу в водяного обратиться, опояшь меня пояском,

добрая душа!

МАРЬЮШКА. Пояском опоясать? Сейчас, сейчас, дедушка!

Марьюшка быстро сняла с себя пояс, опоясала дуб. Запахнуло под корой, завозилось, и встал перед Марьюшкой старый Водяной.

Жалко его было: скукоженного, несчастного, усталого.

Повалился Водяной на землю, заплакал.

ВОДЯНОЙ. От, спасибо, доченька! Спасла, выручила, а так бы погиб я от жажды! Сколько дней уж тут так стою, а я Водяной, мне без воды нельзя, но не могу я веточками до омута, до болота до моего дотянуться!

МАРЬЮШКА. Да что же с тобой случилось, дедушка?

ВОДЯНОЙ. Заколдовала меня злая Тень-Царица, когда пролетала по небу! Хотя я и нечистая сила, а она меня сильнее! Несла она в мешке Финиста Ясна Сокола, и вот, чтоб никто не видел этого, она всех посыпала пеплом, золой калёной, и выжгла всё живое на своем пути - и птиц, и зверей, ой, злюка злая!

Вдруг тонкая осина, что стояла рядом, тоже истошно завопила.

ОСИНА. И меня, и меня спасите скорее, скорее спасите! Пошевеливайся, пень трухлявый!

МАРЬЮШКА. Да кто это, дедушка? Блазнится мне, что осина кричит?

ОСИНА. Да не осина это, не осина, а ты, Водяной, голова осиновая, забыл, что я, Кикимора, рядом с тобой сидела, на солнце загорала, когда нас с тобой Тень-Царица заколдовала! Скорее, скорее опояшь и меня пояском!

Марьюшка быстро сняла с себя еще один пояс, опоясала осину, и она тут же обратилась в Кикимору болотную. Упала Кикимора на землю, завывала, ногами задрыгала.

КИКИМОРА. Ой, не могу, не могу, мне скорее в болотце, в жижу надо, скорее, скорее, а то пересохло в горле, так давит! Сколько дней уж тут так стою, а я Кикимора болотная, мне без воды нельзя, я не могу веточками до омута, до болота дотянуться! А всё ты, ты виноват! Говорит: пошли на берег, погреемся, позагораем. Вот и позагорали тут, чуть не до морковкиного заговенья, чуть ли не до турецкой пасхи!

ВОДЯНОЙ. Ну, теперь-то всё в порядке? Пляши, Кикимора!

И они от радости в пляс пустились.

Давай бегать по болоту, жижей друг в друга кидаются, то нырнут, то вынырнут, и про Марьюшку, кажется, совсем забыли.

Кикимора так визжит, что аж на сажень кверху подсигивает...

КИКИМОРА. Неправильно ты танцуешь! Надо танцевать вперед пятками!

ВОДЯНОЙ. Нет, надо назад пятками!

КИКИМОРА. Нет, вперед!

ВОДЯНОЙ. Нет, назад!

Наплясались.

Но вот Кикимора прыгнула, скакнула, возле Марьюшки присела и давай ехидничать:

КИКИМОРА. Ух ты, какая сладенькая! Съедем мы вот тебя сейчас, ты наса холёсенькая!

ВОДЯНОЙ. Ты кого есть вздумала, перечница старая. Спасительницу нашу? А ну, нишкни!

КИКИМОРА. А тебе что, не хочется кушать? Столько времени мы стояли, ветками махали да махали, а?! Махали да махали, махали да махали! Дятел сел на меня и давай долбить! Бедная я! Белка прибежала и давай меня грызть!

ВОДЯНОЙ. Брысь, сказал. Вон под корягой сколько еды стоит, иди, накрывай на стол. Угощать будем нашу спасительницу. Спасибо, девка, тебе. Ты теперь проси, чего хочешь. Знаешь, сколько у меня золота, жемчуга, драгоценностей на дне болота запрятано? Проси!

Отдам всё. Ну, не всё, а половину – точно. Ну, не половину, а две горсточки – обещаю. Проси! Проси быстрее, пока я добрый!

МАРЬЮШКА. Не надо мне, дедушка, злата и жемчуга. Были бы живы и здоровы мой батюшка и моя сестрица. А дороже всех богатств на свете мне мой суженый Финист Ясный Сокол!

ВОДЯНОЙ. Дороже злата, серебра, жемчуга?

МАРЬЮШКА. Дороже, дедушка.

КИКИМОРА. Вот так дела!

ВОДЯНОЙ. Я-то думал, что у меня в болоте самые-пресамые сокровища. А оказалось, что у людей есть сокровища дороже золота и жемчуга. Есть у людей отец и мать, братья и сестры. А у водяного, бедного, никого нет! Сейчас заплачу весь и буду плакать три дня, берега будут трястись, волны по всей земле пойдут, такой ветер поднимется, такие начнутся землетрясения!

КИКИМОРА. Не плачь! Зато я у тебя есть!

ВОДЯНОЙ. Да ну тебя к Лешему! Какой от тебя толк?

КИКИМОРА. Ладно, разнюнился, как маленький! Молчи! Марьюшка, раз не хочешь злата и жемчуга, то поешь с нами, а? Сейчас, я быстренько на стол накрою! Смотри, вот что у меня: чашечка с салатиком из колодезных жучков и с корешками крапивы, и - раз, два, три! - смотри: чашка пустая, я её съела! А тебе дам полчаски тушёных лягушачьих язычков с солёными личинками, а под конец дам тебе еще жареной рыбьей икры. Она чуть протухла, да я её поджарила месяц назад, вкусная-а!

МАРЬЮШКА. Ой!

КИКИМОРА. Да что – ой? Что за важность, что жучок в пироге: хорошая стряпуха и два запечёт.

ВОДЯНОЙ. Не хочешь нашего угощения? И золота с жемчугами не хочешь? А чего же ты хочешь?

МАРЬЮШКА. Люди добрые, надо мне найти серебряное донце - золотое веретенце, стану я кудель прясти, золотая нитка потянется, а там и Финист мой Ясный Сокол появится. Так сказала мне в лесу бабушка...

КИКИМОРА. Какая бабушка? Баба-Яга, что ли? Не похоже, чтоб она добрая такая была. Видно, ты ей чем-то поглянулась. Так-то она всех обычно – на сковородку и в печку.

ВОДЯНОЙ. Серебряное донце?

КИКИМОРА. Золотое веретенце? Нет, не отдадим! Мы тогда всю силу над болотом потеряем, если тебе его отдадим!

ВОДЯНОЙ. Цыц! Молчи! Отдадим! Не надо нам ничего. Она нам жизнь спасла, а долг платежом красен. Держи, Марьюшка!

Водяной к коряге подошел, руками помахал и вынул из-под куста папоротника серебряное донце - золотое веретенце.

КИКИМОРА. Ой-ой-ой! И не жалко тебе добро разбазаривать?

ВОДЯНОЙ. Помолчи! Кто в двадцать лет не здоров, а в тридцать не умен, а в сорок не богат, тому век таким не бывать. Не были богаты, неча начинать.

КИКИМОРА. От молодец! Раздай-беда, вот ты кто!

ВОДЯНОЙ. Держи, Марьюшка. Спасибо тебе!

КИКИМОРА. Ой, смотри, Марьюшка, твой клубочек побежал, побежал, он знает дорогу к Финисту, в неволе он у Тень-Царицы! Ой, берегись ее, злая она и хитрая! Обпоила она его сонным зельем, на себе женила, живет в богатом тереме с ним!

МАРЬЮШКА. Прощайте, дедушка, прощайте, бабушка!

ВОДЯНОЙ. Прощай, прощай! Береги наш подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет - сама его подари!

Марьюшка ушла за клубком, а Водяной и Кикимора посидели, помолчали, повздохали.

КИКИМОРА. Ишь, «бабушка» мне говорит. Давно ли я стала бабушка, а? Эх, так ли я жила в детстве, в молодости моем? Расскажи мне еще раз, Водяной. Ты же помнишь. Я всё забыла.

ВОДЯНОЙ. Помню. Кот-Баюн тешил Кикимору сказками про весь род человеческий с утра до вечера.

КИКИМОРА. Ой, не говори! А с вечера до полуночи кудесник веселил меня, молодую Кикимору, играми молодецкими.

ВОДЯНОЙ. В слепого козла играли. В жмурки еще... Помнишь?

КИКИМОРА. Ну. С полуночи до утра качали меня, Кикимору, в хрустальной колыбельке. Так вот я потихоньку и выросла.

ВОДЯНОЙ. Да-а. Через семь лет выросла Кикимора: тонешенька, чернешенька, а головка маленькая, с наперсточек, а туловище не сравнить с соломинкой.

КИКИМОРА. Правильно. Так и было. Ой, детство, детство, куда же ты так быстро ушло, а?! Куда уходит детство, в какие города? Расскажи мне сказку, я засну.

ВОДЯНОЙ. Летел гусь, сел на дорогу - упал в воду. Мок-мок, кис-кис - вымок, выкис, вылез - сел на дорогу и опять пал в воду. Мок-мок, кис-кис, выкис, вылез, сел на дорогу и опять пал в воду.

КИКИМОРА. Вот-вот. Летел гусь, сел на дорогу - упал в воду. Мок-мок, кис-кис - вымок, выкис, вылез - сел на дорогу и опять пал в воду. Мок-мок, кис-кис, выкис, вылез, сел на дорогу и опять пал в воду.

ВОДЯНОЙ. Тихо, Кикимора! Утро уже! Слышишь? Запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!» Спасаться нам надо! Прыгай в болото!

Они оба прыгнули в болото, только ряска в разные стороны полетела.

А Марьюшка вслед за клубочком вышла из чащи к богатому двору, к высокому терему.

Крыльцо у терема резное, оконца узорчатые.

У одного оконца сидит богатая, знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку.

Была это та самая Тень-Царица.

МАРЬЮШКА. Долго ли, коротко ли я шла - не знаю, со счета сбилась, пути не считала, себя не жалела, и вот куда зашла: леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют. Как дойду, как найду Финиста? Все башмаки износила... Земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно...

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Чего тебе надо, попрошайка, оборванка, ну?!

МАРЬЮШКА. Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду? Обуться мне теперь не во что, и последний каменный хлеб изглодала я в дороге.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Работницу мне надобно. А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

МАРЬЮШКА. Я у батюшки без матушки жила - я все умею. А хлеб я ем простой,

запиваю его квасом, и чаю не прошу.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Ты что же, работать так любишь?

МАРЬЮШКА. Кто пораньше встает, тот грибки себе берет. А сонливый да ленивый идут после за крапивой.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Ну, посмотрим, посмотрим. Давно у меня не было такой услужливой да смышленной работницы. А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

МАРЬЮШКА. Умею. Вот есть у меня серебряное донце - золотое веретенце. Начну прясть, из кудели нитка потянется - нитка не простая, а золотая...

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. А ну-ка, ну-ка, покажи?

Вошла Марьюшка в терем, села на лавку прясть.

Прядет она, а глядит в серебряное донце, и чудится ей, что видит она там Финиста Ясна Сокола: смотрит он на нее как живой.

Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

МАРЬЮШКА. Финист мой, Финист Ясный Сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, плакать по тебе? Это сестра моя, разлучница, кровь твою пролила.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. О ком ты горюешь, девица? И какая у тебя забава в руках?

МАРЬЮШКА. Горюю я о Финисте Ясном Соколе. А это я нить пряду, потом полотенце Финисту буду вышивать, чтоб было бы ему чем поутру белое лицо утирать.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Продай мне свою забаву. Ведь Финист-то муж мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на Царицу, остановила свое золотое веретенце и говорит:

МАРЬЮШКА. Так ты и есть Тень-Царица?

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Я и есть! Продай мне свою забаву!

МАРЬЮШКА. А у меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце - золотое веретенце не продается: мне добрые люди подарили. Сказали: береги наш подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет - сама его подари.

Обиделась Царица: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих упускать.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Если не продается, давай тогда меняться. Чего хочешь, скажи?

МАРЬЮШКА. Дозволь мне на Финиста Ясна Сокола хоть раз одним глазом взглянуть!

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Договорились. Давай мне твою забаву...

Взяла она у Марьюшки серебряное донце - золотое веретенце, глаза от жадности загорелись, и забормотала потихоньку:

Покажу я ей Финиста ненадолго. Ничего с мужем станется от поглядки чужой девицы! Дам ему еще сонного зелья, пусть на него на спящего смотрит. А через это золотое веретенце я вовсе озолочусь! Пойду, зелья наготовлю да Финиста им напою!

Засмеялась Царица и ушла зелье готовить.

Марьюшка подошла к ведру колодезному, посмотрела на себя в воду.

МАРЬЮШКА. Не узнает он меня. Ведь так истомилась я путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем так изменилась я в лице.

Стала Марьюшка лицо мыть, смотрит на себя в воду и слезами уливается.

А Тень-Царица уже назад идет.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Ну, проходи в горницу. Только вот беда, отдыхает уже Финист, спит сном непробудным.

МАРЬЮШКА. Пусть отдыхает. Я на него погляжу. Мне много не надо. Кто не богат, тот и копейке рад, а богатому - и тысяч мало.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Ну, посмотри на него. Спит он крепко. Не скоро проснется.

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу.

Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном.

Смолит на него Марьюшка, не насмотрится.

Наклонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

МАРЬЮШКА. Проснись, мой Финист Ясный Сокол, это я к тебе пришла. Я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала, пока тебя искала, ненаглядный мой!

А Финист спит непробудно, глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Тут упала Марьюшка возле кровати на пол и принялась горько рыдать.

Проснись-пробудись, Финист мой, Ясный мой Сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и об землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала! Встань-проснись, Финист мой, Сокол! Сжался надо мной!

А Финист спит, ничего не чувствует, не слышит он голоса Марьюшки.

Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

ФИНИСТ. Что это меня обожгло?

МАРЬЮШКА. Финист мой, Ясный Сокол! Это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я об землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Это я зову тебя, а ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

ФИНИСТ. Марьюшка! Неужели это ты, Марьюшка? Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала, но меня нашла?

Прижал он Марьюшку к груди своей и поцеловал.

Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица! Я стану соколом, а ты - моей голубкой! Улетим в ночное поднебесье и всю ночь летать станем рядом, до самого рассвета!

Прибежала тут Тень-Царица.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Стой, Финист! Куда это ты? Ты муж мне законный! Прикажу сейчас в трубы трубить, об измене своего мужа известить, князей всех собрать да тебя наказать!

ФИНИСТ. А я князьям так скажу: которая, по-вашему, настоящая жена - та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает? Кто мужа меняет на серебряное донце - золотое веретенце, на ниточку золотую, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

Упала Тень-Царица на колени, заплакала.

ТЕНЬ-ЦАРИЦА. Нет, Финист, стой, не бросай меня, прости, что променяла тебя на золотое веретенце - серебряное донце! Прости меня!

ФИНИСТ. Прощай, Тень-Царица!

Тут превратились они с Марьюшкой в птиц и улетели в небо. Летят сквозь облака.

МАРЬЮШКА. А чего же ты женился на такой жене? Воли твоей не было?

ФИНИСТ. Воля моя была, да судьбы и любви не было.

МАРЬЮШКА. До чего же красив ты стал, Финист мой, Сокол мой Ясный!

ФИНИСТ. Не дивись на меня, Марьюшка. Это я от твоей любви таким стал.

МАРЬЮШКА. Я хоть и дивлюсь, да для меня ты всегда одинаков, я тебя всякого люблю. Ничего мне не надо!

ФИНИСТ. И мне ничего не надо, и я от твоей любви богатым стал...

На рассвете опустились они на землю.

Поглядела Марьюшка вокруг, видит она - дом ее родителя стоит, как прежде был.

Захотела Марьюшка увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу.

**А Финист Ясный Сокол ударился о сыру землю и сделался царевичем.
Вошли они в избу к отцу.**

ОТЕЦ. Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Все глаза проглядел, ждал тебя, дожидался. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, что ж домой не спешила?

МАРЬЮШКА. Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

ОТЕЦ. Что ж, нужно так нужно. Спасибо, что нужда прошла. А это кто с тобой?

МАРЬЮШКА. А это жених мой, Финист Ясный Сокол! Отыскала я его!

ОТЕЦ. Марьюшка моя! Какая ты честная и верная! Знаю я, всё пройдет, а твоё любящее сердце навсегда запомнится в русской земле!

**Обернулся Финист, свистнул в окошко - сейчас явились платья, уборы и карета золотая.
Нарядились они, сели в карету и поехали в церковь венчаться.**

Тут собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе.

Обвенчался Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На той свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал. Оттого и свадьба кончилась и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное, любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

Темнота

Занавес

Конец

*Декабрь 2008 года
Екатеринбург*